

№33

юбилей

ПРОНИЗИТЕЛЬНОСТЬ ТАЛАНТА

К 50-летию
Юрия КАЗАКОВА

МИЛЫЙ Юрий Павлович! Неужто? Впрочем, с тобой все вероятно: сейчас не верится, что пятьдесят, а в пору, когда ты возник, не верилось, что еще нет тридцати...

Ты ведь как-то сразу, без разгона, без подготовки обнаружился мастером, сразу стали читать, полюбили. И сразу — прочно, навсегда. Только редкий и мощный талант вырубает так стремительно, так естественно и легко себе место на книжной полке истинных мастеров, где, надо сказать, тесновато. Много в нашей литературе писано, громадный

хор голосит, и выделиться в этом хоре — хотя бы единой нотой — высочайшая трудность. Иные кладут на сей подвиг жизнь, другие так и пропадают беззвучно, потонув во вселенском гуле, но голос Юрия Казакова был услышан мгновенно.

Помню, Константин Георгиевич Паустовский говорил: «Есть один молодой пронзительного таланта».

Потом нашумел провинциальный сборник, где было три блестящих рассказа: «Запах хлеба», «В город» и «Ни стуку, ни грохоту». Знакомый поэт выразился так: «Три рассказа Казакова — как три ножа». Что же в них было? Какая новизна? Из какой стали делались ножи? Да в том-то и дело, что новизны никакой, а стальным был лишь стиль, ничего более. Стиль сверкал, как клинок.

Темы рассказов бесконечно знакомы: память об умершей матери, болезнь жены, глухота и тупость близких, и надо всем, во всем — великое очарование живой жизни. Вслед за первым сборником «На полустанке» последовали другие: «По дороге», «Легкая жизнь», «Голубое и зеленое», «Двое в декабре», книга странствий «Северный дневник». Эта последняя книга дает, разумеется, богатую информацию читателю, ибо рассказывает о местах экзотических, поэтичных, таинственных, о русском севере, где не всякий бывал. Но главная сила Казакова не в путевой занимательности, не в рассказе об интересном, а в плетении самой ткани прозы, в сотворении художественного. Сейчас много и дерзко хвалят писателей так называемой деревенской темы,

имена их общеизвестны, но вывод из потока статей таков, будто хвалимые авторы выступили на этой ниве зачинателями, а мне сдается, что некоторые мотивы, разработанные Шукшиным и Беловым, впервые прозвучали в ранних рассказах Казакова. Помните девяностолетнюю старуху Марфу, помните Нестора и Кира? Помните мутноглазых парней, грубых и сильных, но в чем-то трагически слабых, достойных жалости?

Казакова нельзя назвать ни городским, ни деревенским, ни бытописателем, ни детским, ни анималистом, ни автором книг о природе, ни путешественником, хотя он и то, и другое, и третье. Как всякий настоящий художник, он пишет обо всем, что окружает его, о чем он помнит, о чем догадывается — о многообразии жизни. Критики, которые пишут о Казакове, неизменно втягивают в свои статьи имя Бунина, и это понятно: Казаков близок Бунину, он его ученик, мастер бунинской школы, продолжатель, но не подражатель. О, нет! Близость к Бунину — в стилистике, во фразе, в умении живописать, но наполнение казакских рассказов иное. Они наполнены воздухом нашего бытия. Вряд ли их перепутаешь с рассказами десятых и даже двадцатых—тридцатых годов. На них есть знак времени. Не менее Бунина, мне кажется, Казакову близки Платонов и Паустовский, американцы Хемингуэй и Сетон-Томпсон. Да мало ли кто! Всех нас омывают многие дожди, и каждый дождь приносит свою радацию.

Но привязанность к Бунину, как первая любовь, неист-

ребима. Помню, давно, еще в те времена, когда мы мерились силой и ломали друг другу руки за столиком кофейного зала — не помню, кто побеждал, но, помню, меня удивляло, насколько ты, милый Юра, здоров, — однажды говорили о Бунине, о Чехове. Возник спор, крик. Я в запальчивости сказал какую-то глупость, и вдруг ты всерьез, совсем трезво и грозно объявил: «Еще слово о Бунине, и будем с тобой драться!» Драться с тобой мне не хотелось. И Бунин я любил не меньше, чем ты. Тут дело не в Бунине, а в том, что литературе надо любить вот так — страстно, гневно, лично, до слез, до кулаков.

Отвечая на анкету «Вопросов литературы», Казаков написал: «Мне кажется, что каждый писатель, имеющий смелость причислять себя к настоящей литературе, занят всю жизнь одним и тем же кругом проблем. Счастье и его природа, страдания и преодоление их, нравственный долг перед народом, любовь, осмысление самого себя, отношение к труду, живучесть грязных инстинктов — вот некоторые из проблем, которые меня занимают. Эти же проблемы, по-разному поставленные, я постоянно встречаю в произведениях всех наших наиболее талантливых прозаиков и поэтов».

Обнимаю тебя, Юрий Иванович! Радуюсь тому, что ты трудился, что ты рядом, пускай не в Москве, а в Абрамцеве, это недалеко, когда-нибудь можно и повидаться, плачу и рыдаю, когда встречаю вдруг твою прозу, светящуюся, фосфоресцирующую.

Юрий ТРИФОНОВ